

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

А.Ю. Виноградов

(ИВИ РАН; ГУ ВШЭ)

УЧЕНИЕ ОБ АСКЕЗЕ, БРАКЕ И ПЛОТИ В ГЕТЕРОДОКСАЛЬНОЙ СРЕДЕ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АПОКРИФОВ II-III ВВ)

Основы христианского учения об аскезе, об отношении к материальному миру и о семейной жизни были сформулированы уже в Новом Завете: в Евангелиях и апостольских посланиях¹. Однако наряду с этим в раннем христианстве существовали и другие, более ригористические позиции относительно этих предметов, которые в современной науке принято называть «гетеродоксальными». Свое наиболее полное идейное выражение они находят в т.н. апокрифах, где они изложены самими их носителями, а не в пересказе оппонентов. Их реконструкция имеет большое значение для понимания истории раннего христианства и формирования христианского учения, тем более, что принадлежали они далеко не всегда отвергнутым Церковью еретическим сообществам, а зачастую — ригористическим членам самой Церкви, и оказывали влияние и в последующий период (вспомним хотя бы осуждение такого рода воззрений на Гангрском соборе). Впрочем, их правильному пониманию до недавнему времени мешало несколько обстоятельств.

Во-первых, была недостаточно хорошо издана и изучена источниковая база по этому вопросу. Только к середине 2000-х годов мы получили критические издания или «критические переводы» для большинства основных памятников. Во-вторых, данная неопределенность мешала понять специфику изучаемой среды и нестабильность любых границ и определений, которые к ней прилагаются. Наконец, до середины XX века, до открытия Наг Хаммади и восточных манихейских текстов, ученые не умели четко отделять собственно христианские гетеродоксальные течения от нехристианских: прежде всего, от гностических и манихейских. Исследования второй половины столетия показали, что прежние характеристики многих апокрифов неверны: большинство из них не связаны с гнозисом и представляют собой чисто христианские тексты, находящиеся под влиянием популярного неоплатонизма. Таким образом, в настоящий момент наиболее насущной задачей представляется предварительный пересмотр корпуса апокрифических текстов на предмет тем аскезы, брака и отношения к плоти.

Однако и здесь исследователей подстерегает серьезная проблема. Сами апокрифы также неоднородны. Часть из них создана в II-III веках, когда учение Церкви по данному вопросу еще не было соборно утверждено, и отражают альтернативную точку зрения части христианских общин. Другая часть, прежде всего т.н. «малые акты», возникла после начала IV века и представляет собой с богословской точки зрения либо вполне ортодоксальные произведения, либо, наоборот, прямую полемику против уже четко сформулированного церковного учения. Для изучения

¹ О данных темах в раннем христианстве вообще см.: Die Christen und der Körper. Aspekte der Körperlichkeit in der christlichen Literatur der Spätantike / Hrsg. von B. Feichtinger, H. Seng (Beiträge zur Altertumskunde 184). München, 2004.

А.Ю. Виноградов: Учение об аскезе браке и плоти в гетеродоксальной среде раннего христианства формирования христианского учения по данному вопросу наиболее важной является именно первая группа, и поэтому в настоящей работе мы ограничиваемся исследованием именно ее текстов, тем более, что они мало изучены в интересующем нас аспекте². Наиболее полная и авторитетная подборка апокрифов этого периода содержится в томе, который вышел в 1997 году под редакцией Ф. Бовона и П. Жолтрена³ и снабжен исчерпывающим тематическим индексом, составленным С. Войку.

В настоящем обзоре мы ставим перед собой четыре задачи: 1) выявление употребляемых в апокрифах терминов по вышеуказанной проблематике; 2) изучение их позиций по данному вопросу и его богословскому осмыслению; 3) анализ корпуса ранних апокрифов на тему отношения к данному предмету; 4) создание картины гетеродоксальных представлений в ранней Церкви по вопросу об аскезе, браке и отношении к материальному миру.

В апокрифических текстах мы встречаем много терминов, связанных с вышеуказанной тематикой, как положительных так и отрицательных. К первым относятся, прежде всего, чистота/чистый (καθαρότης/καθαρός) и непорочность/непорочный (ἀγνεία/ἀγνός)⁴. Второй совершенно естественно употребляется исключительно в отношении сексуальных контактов. Однако анализ первого показывает, что он употребляется почти всегда для того же. Это обстоятельство показывает, что вопрос сексуальной чистоты был здесь наиболее важным. Противоположностью этим понятиям является термин нечистота/нечистый⁵, однако здесь спектр значений шире: он может употребляться касательно и пищевых запретов, и сексуальных контактов, и вообще осквернения всем материальным, и даже в рамках темы спасения. Часто используется и термин воздержание (ἐγκράτεια)⁶, причем относительно различных предметов; однажды он соединяется с понятием аскезы⁷ и квалифицируется как добродетель⁸. Другие обозначения для интересующей нас темы употребляются одиночно и как устойчивые термины рассматриваться не могут.

В общем и целом, большинство апокрифов предписывает верующим отрицательное отношение ко всему материальному, что описывается выражением «борьба с плотью»⁹. В реальном приложении этот отказ от мира реализуется в нескольких аспектах. Центральной темой апокрифов, в виде излагаемой в них апостольской проповеди, является отказ от половой жизни, в т.ч. и для супругов¹⁰. Соответственно, отрицательным является и отношение к браку и его заключению¹¹: часто апостол расстраивает браки во время свадьбы. Иногда эта ненависть простирается вплоть до темы рождения человека¹². Впрочем, иногда супругам предписывается лишь временное воздержание друг от друга¹³. В любом случае, идеалом для апокрифов является девство¹⁴, воплощенное, например, в образе апостола Иоанна. Другой аспект воздержания — пища: проповедуется отказ, прежде

² Так, по теме «аскеза» в библиографии AELAC числятся только две работы (<http://www2.unil.ch/aelac>).

³ *Écrits apocryphes chrétiens* / Edition publiée sous la direction de F. Bovon et P. Geoltrain. T. 1. P., 1997.

⁴ Ibid. P. 805, 895, 908, 995, 1026, 1316, 1377, 1523.

⁵ Ibid. P. 1036, 1051, 1134, 1296, 1341, 1383, 1429, 1510.

⁶ Ibid. P. 826, 966, 993, 1130, 1217, 1296, 1373, 1523, 1416..

⁷ Ibid. P. 1296.

⁸ Ibid. P. 993.

⁹ Ibid. P. 470.

¹⁰ Ibid. P. 476, 477, 803, 1051, 1239.

¹¹ Ibid. P. 217, 921, 944, 945, 1133, 1342.

¹² Ibid. P. 1293.

¹³ Ibid. P. 826.

¹⁴ Ibid. P. 125.

всего, от мяса и вина; напротив, идеальной пищей считается хлеб и вода¹⁵. Крайне важно, что запрет на вино переносился иногда и на Евхаристию¹⁶, где оно заменялось водой, хотя число таких случаев иногда преувеличивается¹⁷. Отрицательное отношение в продуктах животного происхождения прослеживается и в одежде: фиксируются случаи отказа от шерсти в пользу льна¹⁸. Отказ от излишеств, в частности от богатства обычно подразумевается как само собой разумеющийся и специально не уточняется¹⁹.

Основой таких воззрений служит восходящее к неоплатонизму отрицание доброго начала в материальном мире. Однако лишь в редких случаях апокрифы дают вышеперечисленным запретам богословское обоснование. Таким исключением можно считать знаменитую историю с небесным дворцом из «Деяний Фомы»²⁰.

Наиболее частым среди апокрифов является запрет на половые контакты, брак и деторождение. Его проповедуют все «большие деяния», а также «Греческое евангелие египтян» и «Откровение Павла». Пищевые запреты устанавливают «Книга Эльхазая» и «Деяния Филиппа». Последний вводит ограничения на одежду. Его вообще можно считать самым энкратическим текстом из всех апокрифических что может быть связано с его более поздней датой и, соответственно, сознательным противостоянием общецерковному учению. Впрочем, некоторые апокрифы восстают против дополнительных, по сравнению с учением Христа в Евангелиях, ограничений такого рода²¹. Иногда в полемике против энкратизма апокрифов церковные писатели прибегали и к аргументам из самих апокрифов: так, Климент Александрийский, вопреки энкратизму «Деяниям Филиппа», указывал, что у Филиппа были дочери.

Следует отметить, что больше всего энкратического материала содержат апокрифические деяния апостолов, для которых он является главной идейной темой апостольской проповеди. В то же время в апокрифических евангелиях этого значительно меньше: не только в силу худшей сохранности, но и в силу специфики текстов.

На основе выше разобранного картину отношения авторов апокрифов II-III веков, т.е. представителей «гетеродоксальной» среды раннего христианства, можно реконструировать примерно следующим образом. Общее их отношение ко всему материальному было отрицательным; в антропологическом аспекте это отражалось в презрении ко всему телесному и внешнему, основанное отчасти на образе «внешнего» и «внутреннего» человека у апостола Павла. Лучшим выражением этой позиции является знаменитая история с портретом в AJ 26-29²². Однако тело и

¹⁵ Ibid. P. 1231, 1294, 1296, 834, 862.

¹⁶ Ibid. P. 1317, 1532.

¹⁷ См., например: Ibid. P. 1231.

¹⁸ Ibid. P. 1203, 1228.

¹⁹ Ср.: Ibid. P. 1250.

²⁰ Ibid. P. 1347.

²¹ Ibid. II. P. 17, 1291, 1830,.

²² 26. Итак, собралось множество народа ради Иоанна. И, когда он беседовал с присутствующими, Ликомед, у которого был друг — талантливый живописец, бегом отправился к нему и говорит ему: «Видишь, я сам вырвался к тебе. Ступай скорее ко мне домой, и, кого я покажу тебе, того нарисуй так, чтоб он не знал». Художник, вручив кому-то необходимые ему инструменты и краски, сказал Ликомеду: «Покажи мне его, а об остальном не заботься». И Ликомед, показав Иоанна художнику, подвел поближе и, закрыв в одной комнате, откуда было видно апостола Христова, пребывав с блаженным, наслаждаясь верой и познанием Бога нашего. А больше всего он радовался потому, что тот будет у него на портрете.

27. Итак, художник, написав в первый день рисунок, оставил его. А на следующий день он раскрасил его и восковыми красками и так отдал портрет радостному Ликомеду. Поставив его в свой покой, тот украсил его венком, так что, позднее узнав об этом, Иоанн сказал ему: «Возлюбленное мое дитя, что ты делаешь, приходя из купальни к себе в покой в одиночестве? Разве я не молюсь с тобой и с другими братьями? Или ты прячешься от нас?» Говоря так и шутя с ним, он входит в покой; и видит

А.Ю. Виноградов: Учение об аскезе браке и плоти в гетеродоксальной среде раннего христианства телесное редко считается в апокрифах прямым воплощением злого начала (как в манихействе) — скорее, речь идет об их подверженности греховному тлению, по сравнению с духовной составляющей человека.

Конкретные предписания в области телесного заключаются преимущественно в негативных формулировках — призыве к воздержанию от чего-либо дурного. Чаще всего встречается запрет на половую жизнь и брак: новые браки не должны заключаться, а старые либо должны расторгаться, либо превращаться в сожителство супругов без соития. Реже встречаются ограничения на одежду животного происхождения и определенную пищу: прежде всего, мясо и вино. Отказ от последнего может вести и к его замене в Евхаристии водой. Следует отметить, что большинство таких запретов накладываются не на определенную группу аскетов, а не всех верующих, и не на время, а навсегда. Последнее обстоятельство, впрочем, не мешает апокрифам проповедовать такой распространенный вид аскезы, как пост²³.

Если искать для среды, пропагандировавший вышеописанные взгляды, какое-то имя, то чаще всего ее предлагают называть «энкратической». Ее не следует, однако, полностью отождествлять с ересью энкратитов, упоминаемой Климентом Александрийским²⁴ и Оригеном²⁵, — ее распространение было, очевидно, шире одной замкнутой группы и, главное, зачастую происходило внутри Церкви. Для носителей самых радикальных взглядов (отказ от всякого контакта с животными продуктами, замена вина на воду в Евхаристии) в науке иногда предлагается термин «апотактиты»²⁶. Однако это имя, прилагаемое у авторов IV века к группе еретиков, у них либо не уточняется, либо перечисляется на ряду с энкратитами²⁷ или даже отождествляется с ними²⁸.

украшенный венком портрет старца, а перед ним — стоящие светильники и алтари. И, подзвав его, он сказал: «Ликомед, зачем тебе эта история с портретом? Кто из твоих богов здесь нарисован? Ведь я вижу, что ты еще живешь по-язычески». Ликомед ответил ему: «Бог меня один — Тот, Кто воздвиг меня от смерти вместе с моей супругой. А если и кроме Бога можно называть богами людей — наших благодетелей, то это ты, написанный на портрете, который я украшаю венком, целую и почитаю, как ставшего для меня добрым путеводителем».

28. А Иоанн, который никогда не видал своего лица, сказал ему: «Ты шутишь надо мной, дитя. Разве таков я обликом? <Именем> Господа твоего, как же это ты убеждаешь меня, что этот портрет похож на меня?» Тогда Ликомед поднес ему зеркало. И, увидев себя в зеркале и взглянув на портрет, он сказал: «Жив Господь мой Иисус Христос, портрет похож на меня. Но не на меня, дитя, а на мой телесный призрак. Ведь если этот художник, подражавший этому моему облику на портрете, хочет написать меня, то пусть теперь откажется сам от поданных мне теперь красок и досок, от черт, платья, облика, формы, старости и молодости и от всего зримого.

29. Стань же ты моим прекрасным художником, Ликомед! Суть у тебя краски, которые дает тебе через меня Иисус, Изображающий собой всех нас, Ведающий формы, образы, облики, положения и черты наших душ. А те краски, которыми я говорю тебе писать, — это вера в Бога, знание, благоговение, любовь, общение, кротость, милость, любовь к братьям, непорочность, чистота, невозмутимость, бесстрашие, беспечальность, почтенность и весь хор красок, который изображает твою душу и уже восстанавливает твои умерщвленные члены, а поднявшиеся выравнивает..., который исцеляет язвы, лечит раны, собирает твои рассеянные волосы, омывает твоё лицо, направляет твои очи, очищает твою утробу, освобождает твой живот и отсекает твоё подбрюшье. Короче говоря, все соединение и смешение таких красок, собравшись на твоей душе, сделают ее несмываемым, отделанным и прочным образом Господа нашего Иисуса Христа. А то, что ты теперь изготовил, — детское и несовершенно: ты написал мертвый портрет мертвеца, † который более не живет в живой душе. Но не будем радеть о таком: все это смешно. Займемся же тем, о чем действительно стоит радеть».

²³ См.: Ibid. P. 1738. См. также: *Beatrice P. F. Ascetical Fasting and Original Sin in the Early Christian Writers // Prayer and Spirituality in the Early Church / Ed. by P. Allen, R. Canning, L. Cross. Vol. I. Everton Park (Queensland), 2000. P. 211-228.*

²⁴ *Paedagogus* 2, 2, 33; *Stromata* 1, 15, 71; 7, 17, 108.

²⁵ *Contra Celsum* 5, 65.

²⁶ *Écrits apocryphes chrétiens...* P. 1182. N. 2

²⁷ *Василий Великий. Epistulae* 199, 47; *Амфилохий Иконийский. Contra haereticos* 623.

²⁸ *Амфилохий Иконийский. Contra haereticos* 814.